

Ш 697

ПРОВЕРЕНО

ИСТОРІЯ

ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ

II

ДЕВЯТНАДЦАТАГО

ДО ПАДЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ИМПЕРІИ

СЪ ОСОБЕННО ПОДРОБНЫМЪ ИЗЛОЖЕНІЕМЪ ХОДА ЛИТЕРАТУРЫ

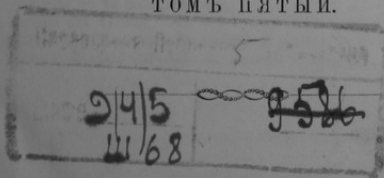
Ф. К. ШЛОССЕРА

ПРОФЕССОРА ИСТОРІИ ПРИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Переводъ съ четвертаго исправленнаго изданія.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Учб № 591

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА ЧЕРКЕСОВА.

1868.

ВЕРИТЕЛЬНО 1930 г.

1572221 ~~1572~~ 2/4C
88111

Типография А. М. Котомина, Вознесен. пр., д. № 23 и 81.
Содержатель Типографии ительство имѣть Коломенской части, 1-го участка, по
Фонтанкѣ, домъ № 131, кв. № 2.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЯТАГО ТОМА.

Предисловіе Автора къ пятому тому	1—IX
---	------

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ 1788 ГОДА ДО КОНЦА ПЕРВАГО (КОНСТИТУЦІОННАГО) НАЦІОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ И ДО ВТОРАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ.

ГЛАВА I.

Ф Р А Н Ц І Я.

	Стр.
§ 1. Отъ безпокойствъ по поводу <i>cours plénières</i> и <i>grands baillages</i> въ 1778 году до 12 іюля 1789 года.	1
§ 2. Франція отъ 13 іюля 1789 до 14 іюля 1790	44
§ 3. Франція отъ Торжества Федерациі 14 іюля 1790 года до открытія Законодательнаго Собранія въ октябрѣ 1791 года	75

ГЛАВА II.

МОНАРХИЧЕСКАЯ ЕВРОПА ДО ФРАНЦУЗСКИХЪ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ ВОЙНЪ.

§ 1. Швеція и Россія до Турецкой войны 1788 года	97
§ 2. Швеція и Россія до Верельскаго мира	107
§ 3. Австрія и Россія въ войнѣ съ Турціею	123
§ 4. Волненія въ Бельгій и въ Польшѣ. а. Бельгія	135
в. Польша	158

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТЪ СОСТАВЛЕНІЯ КОАЛИЦІИ ПРОТИВЪ НОВОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ КОНСТИТУЦІИ ДО УДИНСКАГО ПЕРЕМИРІЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШАГО КАМПО-ФОРМІЙСКОМУ МИРУ.

ГЛАВА I.

ФРАНЦІЯ, АВСТРІЯ, ПРУССІЯ, АНГЛІЯ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.

Стр.

§ 1. Франція до Жирондистскаго министерства	196
§ 2. Отношенія Европейскихъ державъ до объявленія войны Франціею Императору	215
§ 3. Приготовленія къ Революціонной войнѣ	235
§ 4. Исторія Франціи и Германіи до учрежденія Французской республики	248

ГЛАВА II.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ВОЙНА И ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРІЯ ФРАНЦІИ СЪ СЕНТЯБРЯ 1792 г. ДО УДИНСКАГО ПЕРЕМИРІЯ ВЪ 1797 г.

§ 1. Пруссія, Австрія (т. е. Нидерланды), Германія до бѣгства Дюмурье и до принятія участія въ войнѣ Англіею и Голландіею	301
§ 2. Исторія внутреннихъ событій во Франціи съ учрежденія республики до низверженія террористическаго тріумвирата (Робеспьерра, Сент-Жюста и Кутона).— а) Первый отдѣлъ до преобразованія Комитета Спасенія	336
б) Второй періодъ. Отъ учрежденія Комитета Спасенія до девятаго термидора втораго года республики, т. е. до 27 іюля 1794 года	355
§ 3. Европейская коалиція, составленная Англійскою плутократіею; событія до конца 1794 года	413
§ 4. Исторія 1795—1797 годовъ.	
а. Исторія Французскаго Конвента съ 27 іюля 1794 года до распушенія его въ октябрѣ 1795 года	443
Исторія военныхъ дѣлъ и мирныхъ трактатовъ до апрѣля 1797 года.	
в. Вандея. Высадка въ Киберонскомъ заливѣ	473
с. Заключеніе мира съ нѣкоторыми изъ иноземныхъ державъ и продолженіе войны съ другими	482
г. Голландія; война въ Германіи въ 1795 и 1796 годахъ	488
е. Краткій очеркъ Французскихъ побѣдъ въ Италіи, послѣдствіемъ которыхъ было Леобенское перемиріе и прекращеніе войны	508

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ этомъ четвертомъ изданіи „Исторіи XVIII столѣтія“ авторъ выпустилъ тѣ предисловія, которыя были при первыхъ четырехъ частяхъ, потому что, какъ онъ замѣчалъ въ предисловіи къ первому тому, по своей старости долженъ отказаться отъ длинныхъ бесѣдъ съ публикою, давно отказавшись и отъ профессорской кафедрѣ. Онъ уничтожилъ бы предисловіе и къ этому пятому тому, еслибы его издатель и многіе друзья не просили его не дѣлать этого. По ихъ желанію, онъ выберетъ изъ предисловія къ изданію 1844 года тѣ мѣста, которыя относятся къ его направленію и образованію, потому что они могутъ объяснять его разнорѣчія съ направленіемъ нынѣшняго времени. Главнымъ дѣломъ тутъ остается то, что онъ слишкомъ мало заботился объ одобреніи отъ специальныхъ ученыхъ, и очень часто пренебрегалъ приличіями, слѣдуя своему собственному мнѣнію. Отъ работы онъ не отказывался и при этомъ четвертомъ изданіи: при внимательномъ сличеніи можно увидѣть, что рѣдкій листъ остался безъ исправленій въ содержаніи или изложеніи. Издавна авторъ болѣе заботился о томъ, чтобы имѣть за себя внутреннее правдоподобіе, нежели о томъ, чтобы имѣть за себя документы, которыми, впрочемъ, не слѣдуетъ пренебрегать. Книга эта возникла изъ краткаго очерка. Первое изданіе ея въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ вторая была напечатана въ 1823 году, было собственно назначено только для слушателей лекцій объ исторіи XVIII вѣка, которыя авторъ началъ читать съ 1821 года. Книга эта имѣла большіе недостатки, въ ней были даже важныя ошибки и много невѣрныхъ фактовъ,—лучше всѣхъ это чувствовалъ самъ авторъ. Но, вѣроятно, въ ней были и достоинства, которыя автору были менѣе

видны, нежели недостатки,—потому что очень почтенные люди ободрали его расширить объемъ этого труда, несмотря на то, что философы и мастера объективной исторіи хмурили брови. Но авторъ не торопился, спокойно учился много лѣтъ, и двадцать лѣтъ пользовался своею книгою при изслѣдованіяхъ и лекціяхъ, прежде чѣмъ рѣшился сдѣлать изъ этого очерка книгу для большаго круга публики. Къ этому времени, постояннымъ изученіемъ источниковъ, трудами по составленію исторіи Среднихъ Вѣковъ, предназначенной имъ для ученыхъ друзей исторіи, а теперь изданной въ популярной формѣ, подъ заглавіемъ „Всемирная Исторія“ (Weltgeschichte) и продолженной имъ самимъ до начала XVIII столѣтія, онъ приобрѣлъ о связи событій всей исторіи свѣдѣнія, которыхъ не имѣлъ прежде. Для этого ему были очень полезны шесть мѣсяцевъ, которые онъ провелъ въ Парижѣ въ 1821 году: тутъ онъ могъ работать и для своей книги о Среднихъ Вѣкахъ, которую тогда писалъ, и для расширенія своихъ свѣдѣній объ XVIII столѣтіи, особенно о революціи.

Издавая „Всемирную Исторію“ онъ сначала хотѣлъ только выбирать и приводить въ связь отрывки изъ болѣе обширныхъ сочиненій и отчасти рукописей и объяснять ихъ своимъ текстомъ. Только при четвертой части онъ замѣтилъ, что забота объ ученыхъ заставила слишкомъ пренебрежечь легкостью изложенія и слогомъ. Въ четвертой и слѣдующихъ частяхъ онъ нѣсколько больше прежняго заботился объ этомъ, имѣя въ виду обыкновенный кругъ читателей. Въ тоже время случайно представилась ему возможность воспользоваться Парижскими библіотеками лучше, нежели онъ надѣялся. Онъ имѣлъ рекомендацію къ извѣстнымъ и ученымъ книгопродавцамъ де-Бюрамъ, а они были родственники и друзья старшаго бібліотекаря ванъ-Прета. Когда въ 1834 году авторъ пріѣхалъ въ Парижъ не для библіотекъ, а съ другою цѣлю, ванъ-Претъ былъ старикъ и брзуга; но въ 1821 году, по рекомендаціи де-Бюровъ, онъ принялъ его очень хорошо. Онъ позволялъ ему безусловно пользоваться книгами и рукописями, цѣлые короба которыхъ постоянно были въ квартирѣ автора; онъ даже дозволилъ ему совершенно одному работать въ библіотекѣ во время двухмѣсячныхъ каникулъ и далъ ему ключи отъ шкафовъ, чтобы онъ самъ могъ брать книги.

Для изученія исторіи XVIII столѣтія, и особенно революціоннаго періода, были у автора другія благоприятныя обстоятельства. Изучая исторію, онъ никогда не имѣлъ той цѣли, которую необходимо имѣть въ Германіи каждому профессору и писателю, чтобы достигнуть почета, — онъ не хотѣлъ сдѣлаться знаменитымъ или великимъ человѣкомъ. Онъ самъ для себя хотѣлъ изслѣдовать связь историческихъ событій, дѣла и натуру человѣка и хотѣлъ сообщить свои замѣчанія извѣстной части публики, если она захочетъ читать ихъ. Потому онъ не могъ ограничиваться книгами, а долженъ былъ изучать самую жизнь. Жизнь изучаютъ знатные писатели въ салонахъ и политическихъ кружкахъ, или, выражаясь грубо, въ свѣтской болтовнѣ. Все это было не для автора, да и самъ авторъ не созданъ для свѣта. Но неблагоприятная судьба была ему благоприятна, чѣмъ онъ самъ себѣ. Онъ былъ *принужденъ* ею поочередно узнать всѣ сословія и классы людей и всѣ шарлатанства (humbugs), изъ которыхъ состоитъ ихъ жизнь, но не могъ, если быть можетъ и очень желалъ въ молодые годы, самъ сдѣлаться шарлатаномъ, потому что долженъ былъ работать. Будучи сиротою на 15-мъ году, онъ жилъ съ эмигрантами, которыхъ императрица Екатерина II прислала въ городъ Йеверъ, гдѣ онъ родился; но они пробыли тамъ недолго, и онъ поѣхалъ на границу Грунингена, въ то время, какъ Пишгрю выгонялъ изъ Нидерландовъ Англіійскія и Ганноверскія войска. На 20-мъ году онъ поселился на два года въ Варелъ, въ замкѣ графа Вентинка, домашнимъ учителемъ. Потомъ прожилъ онъ два года въ Гамбургѣ, а потомъ семь лѣтъ во Франкфуртѣ. Слѣвавшись потомъ конректоромъ въ Йеверѣ, онъ не надѣялся быть писателемъ, а думалъ посвятить себя ученому труду, которымъ онъ занимался весь день, а иногда даже и по ночамъ (чего потомъ никогда не дѣлалъ); но тогдашнія обстоятельства (это было при Бонапарте) не позволили этого. Потомъ Франкфуртскіе друзья его радушно приняли его въ свой кругъ. Тамъ, въ центрѣ великихъ событій, семь лѣтъ онъ находился въ самомъ благоприятномъ положеніи, чтобы видѣть и испытывать то, что происходило тогда на свѣтѣ; но, переселившись въ Гейдельбергъ, онъ увидѣлъ, что для знанія жизни и дѣлъ людскихъ въ обширномъ размѣрѣ недостаетъ ему многихъ свѣдѣній, которыхъ нельзя приобрѣсть изъ книгъ или среди

студентовъ и профессоровъ. Это заставило его, противъ собственной наклонности, довольно долго прожить въ Парижѣ, гдѣ тогда (въ 1821) при Людовикѣ XVIII правительство удалило отъ должностей многихъ изъ числа значительнѣйшихъ людей двухъ слѣдующихъ поколѣній; съ ними онъ охотно бесѣдовалъ вдвоемъ, потому что тогда имъ льстило, когда люди искали ихъ. Изъ нихъ надобно назвать особенно Гизо, разговоровъ съ которымъ авторъ очень избѣгалъ въ 1834 году, потому что, сдѣлавшись министромъ, онъ приобрѣлъ всѣ дурныя качества министра, хотя былъ доктринеромъ больше чѣмъ когда нибудь.

Свѣдѣнія, собранныя тогда авторомъ отъ замѣчательныхъ людей (съ Тибодо онъ познакомился только въ 1834 году), принесли ему на первое время ту пользу, что онъ увидѣлъ, какъ нелѣпо, не зная Парижской суеты и безстыдства книгодѣлателей, полагаться на Парижскіе мемуары и вообще на всю новую салонную литературу. Поэтому впослѣдствіи онъ при своей работѣ часто испытывалъ, что люди знающіе свѣтъ бывали за него, а самодовольные книгодѣлатели противъ него.

Ему было это очень понятно, потому что онъ презиралъ методу Нѣмецкой книжной фабрикаціи и не имѣлъ партіи, не находилъ себѣ и кланеровъ, безъ которыхъ Нѣмецкіе университетскіе матадоры, подобно Парижанамъ, не могли обходиться, пока не захлопали сами своей репутациі. Критика, которой онъ слѣдовалъ, правило пренебрегать выписками тамъ, гдѣ достаточно ссылки на печатные источники,—этого было достаточно, чтобы поднять противъ него всѣхъ, которые каждое свое издѣліе обременяютъ такимъ грузомъ цитатъ, что очень немногіе бываютъ въ состояніи читать ихъ толстобрюхіи и очень дорогія книги, покровительствуемыя и награждаемыя правительствами. Онъ очень хорошо зналъ, что правительства и аристократы, показывающіе видъ, будто хотятъ сообщить публикѣ все, *никогда* не сообщаютъ ей того, что дѣйствительно интересно. Если бы онъ хотѣлъ доказать это, онъ привелъ бы имена и книги, о которыхъ лучше хотѣть умолчать. Онъ могъ не претендовать на ученыхъ за то, что они не хотѣли слушать его, потому что имѣлъ читателей, которые были довольны имъ, и по отношенію къ слогу и по отношенію къ содержанію, писавшимъ, какъ говорится, субъективно, вы-

бравшимъ свои источники и судившимъ о нихъ также по субъективнымъ основаніямъ, полученнымъ изъ жизни, а не изъ книгъ, — по такимъ основаніямъ, которыхъ нельзя передать другимъ. Онъ слѣдовалъ только своему убѣжденію, презирая все искусственное или школьное; потому несправедливо было бы ему требовать одобренія отъ школьных ученыхъ, тѣмъ болѣе, что у своихъ соотечественниковъ нашелъ онъ больше одобренія, нежели отважился надѣяться.

Порицаніе школьных ученыхъ не принесло ему, кажется, никакой потери, — кромѣ развѣ той, что въ университетѣ очень поздно достигъ онъ тѣхъ вышнихъ выгодъ, которыхъ гораздо раньше его достигли почти всѣ его товарищи. Хотя онъ былъ такъ счастливъ, что не терпѣлъ отъ этого бѣды, но все-таки думаетъ, что иногда возбуждалась въ немъ этимъ досада, которая иногда заставляла его судить о важничающихъ людяхъ всѣхъ классовъ, особенно объ академикахъ и профессорахъ, болѣе рѣзко, нежели судилъ бы безъ того онъ, какъ созерцающій философъ. Онъ осмѣивалъ такъ называемую объективность, аффектацію, искусственную реторику различныхъ школъ и прислужниковъ избалованной знати; потому они имѣли полное право презрительно смотрѣть на его неученую манеру.

Но, по измѣненіямъ въ выраженіи и содержаніи, сдѣланнымъ почти на каждой страницѣ новаго изданія этого тома, можно видѣть, что онъ неутомимо старался придать своей книгѣ то достоинство, о которомъ можетъ заботиться онъ, никогда не хотѣвшій стать великимъ писателемъ, а желавшій только быть искреннимъ, правдивымъ и скромнымъ учителемъ извѣстнаго круга публики.

Сказавъ о своей поѣздкѣ въ Парижъ въ 1821 году, авторъ долженъ замѣтить, что онъ тутъ имѣлъ цѣлью не только дѣло, которое тогда было у него на рукахъ, но также изученіе эпохи революціи. Онъ работалъ по цѣлымъ недѣлямъ въ королевской библіотекѣ, но пользовался и другими, особенно библіотекою графа фонъ-Шлаберндорфа. Съ добродушнымъ старикомъ Шлаберндорфомъ, который видѣлъ всю революцію, я, не смотря на свою странную наружность и множество странныхъ привычекъ, былъ очень разсудительный человекъ, хорошо знавшій людей и вѣрно судившій о нихъ, познакомилъ автора покойный Эльснеръ. Старикъ любилъ, когда его навѣщали, потому авторъ часто бывалъ у него. Онъ по-

лучаль отъ графа рѣдкія брошюры, собранныя имъ и оставшіяся запертými въ королевской библіотекѣ; графъ давалъ также объясненія, какъ ими пользоваться и на сколько онѣ заслуживаютъ довѣріе. Коллекція и свѣдѣнія, пріобрѣтенныя авторомъ въ 1821 году, увеличились въ 1834, благодаря дружеской услужливости графа Рейнгарда, который былъ знакомъ ему съ тѣхъ поръ, какъ былъ Французскимъ посланникомъ во Франкфуртѣ, и который тогда жилъ въ Парижѣ. Кромѣ многихъ другихъ услугъ, графъ Рейнгардъ оказалъ ему еще ту, что познакомилъ его съ тогдашнимъ хранителемъ архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ Минье, который съ такою обязательностью позволилъ ему пользоваться архивомъ, что авторъ, общавшись женѣ прожить въ Парижѣ только мѣсяцъ, прожилъ тамъ три мѣсяца, работая каждый день съ половины девятаго до пяти часовъ. Онъ приготавливалъ не компіляцію и не художественное произведеніе, сочиненное по философскимъ правиламъ, а только скромный рассказъ, основанный на знаніи человѣческихъ дѣлъ, пріобрѣтенномъ цѣлою жизнью. Сначала онъ хотѣлъ довести его только до конца прошлаго столѣтія, боясь, что наше реакціонное доктринерское время, во всемъ любящее посредственность, станетъ пугаться рѣзкаго тона и неприкрашенной правды. Безъ этого дѣйствительно не обошлось. Но рѣзкая правда не повредила ему во мнѣніи многихъ его соотечественниковъ (о мнѣніи другихъ онъ не безпокоится); его настойчиво просили напечатать ту часть, которой онъ не хотѣлъ издавать. Онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы смягчить свое негодованіе на мелочность, пошлость, испорченность образованія и мелкую кичливость нашего времени, слишкомъ поклоняющагося матеріальнымъ интересамъ; онъ сказалъ далеко не все то, что могъ бы сказать, да и теперь, при новомъ изданіи пятой части, замѣнилъ многія жесткія выраженія другими. Что осталось у него много недосмотровъ и ошибокъ, въ этомъ онъ не споритъ. Онъ дѣлаетъ это замѣчаніе только для того, чтобы показать, что какъ ни гордъ онъ своею полною независимостью, но не злоупотребляетъ ею. Онъ не читаетъ теперь критическихъ журналовъ и находится въ такихъ лѣтахъ и въ такомъ положеніи, когда нельзя ни выиграть отъ похвалъ, ни потерять отъ порицаній. Онъ хотѣлъ прямо говорить правду, а не прятать ее подъ академическія фразы. Въ

40 лѣтъ своей литературной дѣятельности онъ имѣлъ довольно времени и практики, чтобы выработать такую манеру изложенія, какая удобна для него, а всякую другую манеру онъ отвергаетъ по принципу.

Въ предъидущихъ частяхъ этого изданія онъ выпускалъ многое, не потому, чтобы считалъ выпущенныя мѣста лишними, а потому, что имѣлъ тогда надежду, отъ которой теперь почти отказывается,—надежду, что доведетъ разсказъ до нашего времени; потому-то онъ и уменьшалъ объемъ книги. Теперь ему нуженъ отдыхъ. Исторію всегда онъ изучалъ для того, чтобы дойти до прочнаго результата размышленій о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ, и думаетъ, что при концѣ жизни достигъ того, чего искалъ; потому на каедрѣ и въ книгахъ онъ всегда излагалъ только результаты. Часто понимали это ошибочнымъ образомъ. Онъ не хотѣлъ обращать никого; онъ говорилъ съ субъективною увѣренностью, которой достигъ, потому что объективной не могъ онъ достигъ на своемъ пути. Онъ жилъ и изучалъ людей такъ долго, что свидѣтельствамъ книгъ и рукописныхъ источниковъ не можетъ безусловно вѣрить ни въ чемъ, кромѣ голыхъ фактовъ. Истинно образованный разсказчикъ всегда достигаетъ непосредственнаго знанія о томъ, что правда и что могло быть правдой, безъ всякихъ другихъ доказательствъ, кромѣ внутренней связи и знакомства съ ходомъ человѣческихъ дѣлъ. Въ первомъ изданіи было въ примѣчаніяхъ гораздо болѣе длинныхъ выписокъ изъ источниковъ, потому что авторъ не хотѣлъ тогда имѣть отваги выдавать свои результаты другимъ за исторію. Онъ располагалъ книгу такъ, чтобы текстъ могъ считаться только второстепеннымъ дѣломъ, а главнымъ—примѣчанія. Но когда онъ достаточно образовался долгимъ рядомъ годовъ, то почелъ своею обязанностію твердо и смѣло разсказывать событія съ своей точки зрѣнія, безъ всякихъ политическихъ, дипломатическихъ, церковныхъ и личныхъ лицепріятей. Авторъ не былъ, и не могъ быть, ни дипломатомъ, ни военнымъ и имѣетъ отвращеніе отъ всякой философской самоувѣренности (которая называется объективностью); потому считалъ онъ дѣломъ неизбѣжнымъ, что знатные господа и ученые часто посматривали на него свысока; но за то тѣмъ искреннѣе пожимали ему руку его милые земляки близъ Сѣвернаго моря.

Авторъ еще на 15-мъ году, когда императоръ Павелъ послалъ эмигрантовъ въ Йеверъ, говорилъ съ ними; потомъ въ Гамбургѣ и Любекѣ узналъ многое о времени его царствованія, а въ блистательную эпоху Бонапарте жилъ во Франкфуртѣ, въ центрѣ событий; потому онъ самъ дивится, что не началъ писать о современной исторіи гораздо раньше.

Однакоже, въ первомъ изданіи этой книги онъ опирался только на источники, доступные каждому, и былъ такъ скромнень, что и проживъ полгода въ Парижѣ, и черезъ знакомство съ людьми революціи подтвердивъ и исправивъ свои понятія, приписывалъ своей исторіи только тотъ характеръ, какой она дѣйствительно имѣетъ, — именно, характеръ книги, написанной человѣкомъ, который никогда не принадлежалъ и не желалъ принадлежать къ множеству великихъ и очень великихъ мужей, которыми обладаетъ Германія (по крайней мѣрѣ по газетнымъ объявленіямъ ихъ кліентовъ). Авторъ поставилъ себѣ правиломъ не вдаваться ни въ какія разсужденія, ни въ какія политическія или дипломатическія пренія; онъ только рассказываетъ фактъ за фактомъ, предоставляя читателю разсуждать, годится ли это для него. Къ великому его изумленію, число людей, нашедшихъ, что это для нихъ годится, оказалось больше, нежели онъ надѣялся, судя по кругу специальныхъ ученыхъ, въ которомъ жилъ. Факты, которые онъ рассказываетъ, опираются не на слухахъ, а его сужденія не на какойнибудь системѣ, не на предубѣжденіяхъ партій, или владѣющему настроеніи толпы, то святошествующей, то безбожной, а на понятіи о ходѣ человѣческихъ дѣлъ, почерпнутомъ изъ исторіи и жизни; и онъ очень далекъ отъ того, чтобы навязывать ихъ другимъ.

Авторъ очень хорошо знаетъ, что каждый читатель беретъ за книгу съ своею системою, съ духомъ своей партіи и сочувствуетъ въ книгѣ только тому, что соотвѣтствуетъ его системѣ и понятіямъ его партіи; потому писатель долженъ быть остороженъ, не долженъ предполагать, что читатель станетъ принимать фантазіи за мысли, капризы за истину. Сколько извѣстно автору, онъ никогда не дѣлалъ этого, не смотря на свое нѣсколько гордое чувство независимости. Но онъ также очень хорошо знаетъ, что только немногіе люди въ состояніи связать сильнымъ умомъ въ одно цѣлое рядъ голыхъ фак-

товъ или понять ихъ. Особенно молодые люди и въ исторіи восхищаются системами и доктринами, потому что онѣ избавляютъ отъ надобности имѣть запасъ положительныхъ знаній изъ опыта и трудиться надъ подведеніемъ сотни отдѣльныхъ опытовъ подъ одно понятіе, а фантазія помогаетъ имъ связывать вещи совершенно разнородныя. Только люди, пожившіе на свѣтѣ, ищутъ въ исторіи опыта, наблюденія и житейской мудрости. Потому, нѣтъ возможности угождать на всѣхъ. Авторъ, очень равнодушный почти ко всѣмъ тѣмъ вещамъ, которыя возбуждаютъ между учеными столько споровъ и перебранокъ, никогда не понималъ, какъ могутъ многіе люди такъ сердиться за то, что онъ думаетъ не одинаково съ ними: вѣдь онъ никогда не имѣлъ той власти, какую теперь вездѣ имѣютъ теологи, насильно навязывать другимъ свои понятія; да еслибъ ему и предлагалась такая власть, онъ не взялъ бы ея. Развѣ не довольно было того, чтобы игнорировать его, какъ и дѣлали въ Берлинѣ и въ Гёттингенѣ, пока могли?

Изъ многочисленныхъ поправокъ въ изложеніи и содержаніи, которыя читатель можетъ (если только почтетъ стоящимъ труда) найти на каждомъ листѣ этого новаго изданія, онъ ясно увидитъ, какъ далекъ авторъ, не смотря на свою старость, отъ самодовольства или отъ мысли о своей непогрѣзительности.

На вопросъ о продолженіи этой книги авторъ скажетъ, что можетъ на время отдохнуть, тѣмъ болѣе, что его товарищъ Гейссеръ далъ намъ превосходную исторію новѣйшаго времени въ Германіи. Авторъ съ жадностью прочелъ двѣ первыя части и корректурные листы третьей части, сообщенные ему его товарищемъ. И вообще, прежде чѣмъ авторъ станетъ думать объ окончаніи своей книги, онъ долженъ подождать окончанія Исторіи XIX вѣка Гервинуса. А теперь пока онъ принужденъ отдохнуть и надѣется на хорошіе лѣтніе дни въ своемъ саду въ горахъ.

Гейдельбергъ, конецъ февраля 1856.

Ф. К. Шлоссеръ.

ПЯТЫЙ ПЕРІОДЪ ВОСЕМНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТЪ 1788 ГОДА ДО КОНЦА ПЕРВАГО (КОНСТИТУЦІОННАГО) НА-
ЦИОНАЛЬНАГО СОБРАНІЯ И ДО ВТОРАГО РАЗДѢЛА ПОЛЬШИ.

ГЛАВА I.

Ф Р А Н Ц І Я.

§ 1.

*Отъ безпокойствъ по поводу cours plénières и grands baillages
въ 1788 году до 12 іюля 1789 года.*

Въ апрѣлѣ 1788 г. первый министръ Ломени де-Бріеннъ и министръ юстиціи Ламуаньонъ навели добраго короля Людовика на мысль посредствомъ рѣшительной государственной мѣры (coup d'état) замѣнить Парламентъ, какъ политическую корпорацію, такъ называемымъ полнымъ засѣданіемъ (cours plénières), и уменьшить значеніе его какъ судебного мѣста учрежденіемъ окружныхъ судовъ (grands baillages). Это взволновало всю Францію и послужило поводомъ къ внезапному созванію общаго собранія сословій. Парламентскій совѣтникъ Дюваль д'Эпремниль (въ послѣдствіи, въ 1789 г., какъ аристократъ, сталъ онъ однимъ изъ людей ненавистныхъ народу такъ, что находился въ постоянной опасно-

сти), въ концѣ апрѣля 1788 г., возбудилъ Парламентъ къ тѣмъ чрезвычайнымъ мѣрамъ, которыя были причиною собранія сословій. Д'Эпрениль хитростью досталъ экземпляръ королевскихъ ординансовъ, печатавшихся съ такою тайною, что королевская типографія была охраняема какъ тюрьма и ни одного работника на выпускали оттуда. Съ этими ординансами онъ явился въ Парламентъ и 27 апрѣля убѣдилъ его сдѣлать правительству неслыханно смѣлое представленіе, которое было подано королю 4 мая. Въ этомъ представленіи господствуетъ уже революціонный тонъ и потому на подачу его мы смотримъ, какъ на начало революціи.

Признаки всеобщаго броженія умовъ мы находимъ особенно въ трехъ чертахъ этого представленія и потому считаемъ эти черты важными. Во-первыхъ, въ заключеніи представленія смѣло требуется возстановленіе давно забытой конституціи и правъ народа. Заключение положительно говоритъ, что Франція не абсолютная монархія, что власть собранія сословій и Парламентовъ въ ней столь же существенна, какъ и власть короля (1). Во-вторыхъ, Парламентъ не ограничился подачею своихъ представленій королю, но апеллировалъ къ народу. Онъ присоединилъ къ своему протесту прокламацію къ Французамъ съ указаніемъ на основные законы ихъ монархіи (2). Въ-третьихъ, Парламентъ предлагалъ фор-

(1) Заключение этого представленія, о которомъ мы уже упоминали въ четвертой части, таково: «Каждая провинція требовала Парламента для защиты своихъ собственныхъ правъ: эти права — не химеры, эти Парламенты — не пустыя учрежденія. Иначе король могъ бы сказать Бретани: я лишая васъ вашихъ сословныхъ собраній; Гиенн: я уничтожаю ваши капитуляціи; народу Беарискому: я не намѣренъ болѣе давать вамъ присягу; даже всей націи онъ могъ бы сказать: я хочу измѣнить присягу коронованія; всѣмъ провинціямъ: ваши льготы — цѣпи для законодателя, ваши Парламенты заставляютъ его измѣнять свои желанія, — я отмѣняю эти льготы, уничтожаю ваши Парламенты. Конечно, тогда воля короля могла бы быть единообразною».

(2) «Основные законы, говоритъ Парламентъ, заключаютъ въ себѣ и осяцаютъ: 1) право царствующаго дома на тронъ, переходящій по наследству отъ лица мужескаго пола къ таковому же въ порядкѣ первородства; 2) право націи давать свободно подати посредствомъ государственныхъ сословныхъ собраній, правильнымъ образомъ созванныхъ и составленныхъ; 3) обычныя права и капитуляціи провинцій; 4) неотрѣшимость судей; 5) право судей повѣрять въ каждой провинціи королевскія приказанія и допускать внесеніе ихъ въ протоколъ только тогда, когда они согласны съ конституціонными законами провинціи и съ основными законами государства; 6) право каждаго гражданина быть судиму только своими естественными судьями, назначенными закономъ, и 7) право, — безъ котораго всѣ другія безполезны, — не подвергаться аресту иначе, какъ только съ тѣмъ, чтобы немедленно быть